

Т. Дж. Барфилд

Бостонский университет

НОМАДНЫЙ ПАСТОРАЛИЗМ ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Пасторальный нomaдизм был преобладающим образом жизни в степях Внутренней Азии на протяжении большей части ее известной истории. Хотя часто очерняемая внешними наблюдателями как примитивная, в действительности это была усложненная экономическая специализация по использованию степных ресурсов. Тем не менее этот образ жизни был настолько чуждым для окружающих оседлых цивилизаций, что непонимание и неверное истолкование были неизбежны. История нomaдов и их связи с окружающими регионами основывались на том, что сами нomaды принимали без доказательств: их циклы движения, требования животноводства, экономические ограничения и основная политическая организация.

Пасторальный нomaдизм представляет обычно используемый термин для формы подвижного животноводства, при которой семьи мигрируют со своими животными с одного сезонного пастбища на другое в годовом цикле. Наиболее характерное культурное свойство этого экономического приспособления состоит в том, что нomaдные пасторальные общества приспосабливаются к требованиям подвижности и потребностям своего скота. Следует, однако, отметить, что нomaдизм, пасторализм и культура аналитически раздельны. Существуют пастухи, которые не являются кочевниками (такие, как современные фермеры-животноводы), и нomaды, которые не пасут скот (например охотники). Существуют также сообщества, в которых подвижные формы пасторализма представляют единственную экономическую специализацию, в которой отдельные пастухи или ковбои нанимаются, чтобы смотреть за животными (как случилось в Западной Европе или Австралии с разведением овец и в Америке с разведением крупного рогатого скота). Когда скотоводство является профессиональной особенностью, твердо внедренной в окружающую оседлую культуру, отдельное общество пастухов никогда не существует.

Пасторализм Внутренней Азии традиционно зависел от использования обширных, но сезонных пастбищ в степях и горах. Поскольку

Барфилд Т. Дж. / Мир кочевников-скотоводов, с. 415–441

люди не могли переваривать траву, разведение скота, который мог это делать, было эффективным способом эксплуатации энергии степной экосистемы. Стада состояли из ряда травоядных животных, в том числе овец, коз, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов и иногда яков. Не существовало специализации по разведению отдельных видов, которая развивалась среди бедуинов Ближнего Востока, разводивших верблюдов, и пастухов северных оленей в Сибири. Идеальным для Внутренней Азии было наличие всех видов животных, необходимых для обеспечения продовольствия и перевозок, так что семья или племя могли достичь самообеспечения при пасторальном производстве. Фактическое распределение животных в стаде отражало и экологические переменные, и культурные предпочтения, но их состав был, в основном, подобен, независимо от того, открытую степь или горные пастбища использовали номады. Изменения состава стада были особенно частными среди пасторалистов, которые эксплуатировали более маргинальные районы, где, например, козы выживали лучше, чем овцы, либо где засушливость способствовала разведению верблюдов, а не разведению лошадей.

Овцы были, несомненно, самыми важными с точки зрения питания животными и опорой пасторализма Внутренней Азии. Они давали молоко и мясо для питания, шерсть и шкуры для одежды и жилищ и навоз, который можно было высушить и использовать в качестве топлива. Овцы быстро воспроизводились, и рацион их питания был самым изменчивым в степи. На Монгольском плато их насчитывалось от 50 до 60 % всех разводимых животных, хотя их численность уменьшалась в тех частях Монголии, где пастбища были бедны травами, таких, как засушливые пустыни, на больших высотах или на границах с лесами. Процент овец достигал своего максимума в стадах тех племен номадов, которые разводили овец для торговли мерлушками или продавали животных на мясо на городских рынках. Например, при одних и тех же экологических условиях в Кульде (19 век) (долина Или) овцы составляли 76 % стад у тюркских казахов, которые занимались торговлей мерлушками, по сравнению с 45 % в стадах монгольских калмыков, более ориентированных на продукты питания (Grader 1955: 313).

Хотя овцы были более важны экономически, разводили еще и лошадей – предмет гордости у степных номадов. С самого начала традиционный номадизм Внутренней Азии определялся важностью верховой езды. Лошади были жизненно необходимы для успеха номадных сообществ во Внутренней Азии, поскольку они обеспечивали быстрое передвижение на огромные расстояния, допуская связь и кооперирование среди народов и племен, которые, по необходимости, были сильно рассеяны. Степные лошади были малы и крепки, содержались на открытом воздухе всю зиму, обычно без фуража. Их использовали как второстепенный источник мяса, а кислое кобылье молоко (кумыс) был любимым напитком жителей степи. Лошади играли особенно

видную роль в военных подвигах номадов, придавая небольшим отрядам подвижность и силу в битвах, которые позволяли наносить поражения намного превосходящим силам противника. Эти животные воспевались в устных сказаниях Внутренней Азии, а принесение лошадей в жертву было важным ритуалом в традиционных религиях степняков. Человек на спине лошади стал истинным символом степного номадизма и как метафора силы вошел в культуры соседних оседлых обществ. Однако, в то время как некоторые антропологи определяли их как культуры, связанные с лошадьми, разведение лошадей никогда не было исключительным занятием какого-либо степного племени, несмотря на культурную и военную важность животных. Хотя не существовало великих эпических поэм, посвященных овцам, мелкий скот был основой степной экономики, причем разведение лошадей было важным дополнением к этой более необходимой задаче (Vascon 1954; Eberhardt 1970).

Крупные животные типа лошадей и крупного рогатого скота требовали более влажных регионов для процветания. По этой причине их численность была выше в тех частях степи, где были реки и ручьи и хорошие пастбища. Их также следовало пасти отдельно от мелкого скота из-за разных привычек добывания пищи. Овцы и козы объедают траву слишком низко, и крупный скот не мог пасть после них. Поэтому для крупного скота должны резервироваться специальные пастбища; либо они должны пасть перед овцами и козами, если используется одна и та же область. В засушливых регионах, где лошадей и крупный рогатый скот разводить труднее всего, сильно возрастает поголовье верблюдов. Верблюды во Внутренней Азии обычно двугорбые, известные как бактрианы. В отличие от своих ближневосточных сородичей, верблюды бактрианы имели толстый волосяной покров, который позволял им переживать холодные зимы. Они были оплотом сухопутных караванных путей более 2000 лет, а их шерсть все еще остается высокоценным сырьем для производства тканей. Яки во Внутренней Азии относительно редки и обнаруживаются, главным образом, у Тибетской границы. Они хороши только на больших высотах, но их можно скрещивать с коровой, чтобы получить гибрид (дзо в Тибете, хайнак в Монголии), который обладает большей терпимостью к более низким высотам, более послушен и дает больше молока.

Кочевая жизнь основывается на способности людей перемещаться со своими животными в процессе сезонной миграции. Кров и предметы домашнего обихода должны быть разборными и портативными. В этом отношении нет ничего более поразительного, чем юрта, используемая во всех евро-азиатских степях. Она состоит из набора складных деревянных решетчатых каркасов, которые устанавливаются в круг вокруг деревянной коробки. Изогнутые или прямые деревянные палки связываются на верху решетчатого каркаса и прикрепляются к круг-

лону деревянному венцу, образуя полусферический или конический купол, в зависимости от угла, под которым изогнуты палки. Получаемый таким образом каркас мало весит, но тем не менее исключительно прочен, и его нелегко сдуть ветру. Зимой юрта покрывается толстыми матами из войлока, которые хорошо защищают от сильных морозов. Летом боковые войлочные маты снимаются и заменяются тростниковыми матами, которые позволяют воздуху циркулировать. В древние времена юрты сооружались на больших повозках и перемещались готовыми, но к средним векам эта практика стала относительно редкой. Однако использование колесных повозок для перевозки предметов, которые тянут волы или лошади, всегда было характерным для кочевой жизни во Внутренней Азии, тогда как номады Ближнего Востока не использовали колесных повозок (Andrews 1973; Bulliet 1975).

В большинстве пасторальных обществ пастбища были в общем владении обширных родственных групп, тогда как животные – в личной собственности. Номадные миграции на эти пастбища были не случайными, но в пределах определенного диапазона пастбищ, к которым группа имела доступ. Там, где пастбище было надежным, номады стремились иметь только несколько фиксированных стоянок, на которые они возвращались каждый год. Если были доступны только маргинальные пастбища, то миграционный цикл обнаруживал и более частое перемещение, и большее изменение мест расположения стоянок. В отсутствие внешней власти диапазон пастбищ определялся также силой родовой группы. Самые сильные племена и кланы предъявляли права на лучшие пастбища в лучшее время года, более слабые группы могли использовать их только после того, как сильные группы уходили дальше. Для номадов время и пространство были связанными элементами: их заботило право использовать пастбище в определенное время или сохранять право собственности на фиксированные предприятия, подобные колодцам; исключительное право собственности на землю само по себе имело малое собственное значение (Barth 1960).

Миграционный цикл пасторалистов Внутренней Азии состоял из четырех сезонных компонент, каждая из которых имела собственные характеристики. Континентальный климат региона характеризуется температурными экстремумами; а зима является самым неприятным временем года. Расположение мест зимних лагерей было, таким образом, важным для выживания, поскольку они должны были обеспечивать и укрытие от ветра, и необходимые пастбища. Будучи однажды выбранными, зимние лагеря имеют тенденцию оставаться неизменными в течение сезона. Благоприятными стоянками могут быть низколежащие горные долины, поймы рек и низины в степи. Утепление юрты войлоком и гладкая круглая форма обеспечивали достаточную защиту от сильных ветров даже при чрезвычайно низких температурах. Поскольку использование заготовленного фуража было редким или вообще отсутствовало, наличие зимнего пастбища устанавливает предел

на общее количество животных, которые могли быть разведены. Не защищенные от ветра области, свободные от снега, были предпочтительны, но если почва имела снежный покров, лошади должны быть освобождены, чтобы разбивать копытами ледяную корку и открывать пастбище под ней. Область могла затем использоваться другими животными, которые не могли пастись через снег. Зимние пастбища обеспечивали лишь минимум средств пропитания, и под открытым небом скот значительно терял вес.

После таяния снегов, под весенними дождями новые пастбища расцветали. Хотя в другие сезоны года большая часть степи была бурой и безводной, весной огромные просторы превращались в мягкие зеленые ковры, испещренные красными маками. Группы лагерей широко рассеивались по степи, чтобы воспользоваться преимуществами обильных пастбищ. Углубляясь в эти луга, номады приближались к сезонно существующим объемам талого снега в низколежащих местах, чтобы напоить своих лошадей и скот. На таких пастбищах овец вообще не нужно было поить, так как они получали необходимую влагу из травы и росы. Животные, ослабевшие после зимнего холода и голода, начинали восстанавливать свой вес и энергию. Весной начинался окот и появлялось свежее молоко. Взрослых животных стригли. Хотя обычно это время считалось лучшим, всегда существовала вероятность бедствия, если на степь налетала неожиданная снежная метель, и степь покрывалась льдом. В этих условиях много скота, особенно новорожденного молодняка, быстро погибало. Такой случай мог наблюдаться один раз в поколение, но он мог нанести урон пасторальной экономике на годы вперед.

Передвижение на летние пастбища начиналось, когда весенние травы высыхали, а водоемы испарялись. Номады, использующие плоскую степь, могли перемещаться на север, в более высокие широты, тогда как номады вблизи гор могли двигаться вверх, где пастухи встречали «вторую весну». В летних лагерях животные быстро набирали вес. Кобылиц доили, чтобы приготовить кумыс – умеренно опьяняющий напиток, любимый номадами Внутренней Азии. (Более сильные алкогольные напитки покупались в оседлых сообществах.) Избыточное молоко от других животных, главным образом, овец, перерабатывалось в йогурт, а затем высушивалось в твердые, как камень, шары, которые употреблялись в пищу зимой. Шерсть овец, коз и верблюдов очищалась и скручивалась в нить, которая затем использовалась для изготовления веревок либо красилась и сплеталась в коврики, седельные сумки или узелковые ковры. Большое количество овечьей шерсти оставлялось для изготовления войлока, производство которого заключалось в отбивании шерсти, поливании ее кипятком, а затем в ее прокатывании взад и вперед, пока не сплетутся волокна, образовав ткань. Войлок мог быть украшен нанесением слоя окрашенной шерсти

на поверхность перед прокатыванием. Тяжелые войлочные полосы, изготовленные из грубой шерсти, использовались для покрытия юрт, тогда как более тонкая шерсть, состригаемая с ягнят, использовалась для изготовления плащей, зимних сапог или седельных попон.

Летний лагерь оставлялся с началом холодной погоды, когда номады начинали возвращение на зимние квартиры. Осень была временем овечьих «свадеб», чтобы окот пришелся на весну, так как у приплода, выпавшего из сезона, наблюдалась высокая смертность. Те номады, которые использовали заготовленный фураж, могли снизить падеж скота в это время, но более обычная стратегия заключалась в том, чтобы держать животных на подножном корму вдали от зимнего лагеря (чтобы сберечь близлежащие пастбища на самые тяжелые времена). В областях, где номады не могли продавать своих животных на оседлых рынках, они резали скот и коптили мясо на зиму, особенно когда зимние пастбища были ограничены. Вообще говоря, номады старались сохранять как можно больше живых животных, так как в случае бедствия, когда половина стада терялась вследствие морозов, засух или болезней, владелец 100 животных мог восстановить стадо намного быстрее, чем владелец 50 животных. Осень также традиционно была временем, в которое номады предпочитали делать набеги на Китай и другие оседлые регионы, поскольку их лошади были сильными, работа пастбищного цикла была, в основном, завершена, а земледельцы собрали урожай. Эти набеги обеспечивали номадов зерном, что помогало им пережить зиму.

Годовой миграционный цикл требовал мобильности, но перемещения происходили в фиксированном диапазоне. Однако способность легко перемещать стада и семьи имела существенное политическое значение. Когда номадам угрожало нападение со стороны оседлых армий, они исчезали, так что захватчик не находил ничего кроме пустой равнины с облаком пыли на горизонте. Когда захватчик уходил, номады возвращались. В более экстренных случаях номады использовали свою мобильность, чтобы эмигрировать из региона полностью, а не оставаться под контролем другого кочевого племени. Целые народы перемещались на сотни и даже тысячи миль в другие места, где они основывали новые миграционные сферы. Такие массовые передвижения неизбежно перемещали другие племена, приводя к вторжениям номадов в области оседлых народов на границе степи. Такими крупномасштабными были результаты политических решений племени найти новый дом, а не воевать за старый. Они не были следствием голодания овец и поиска новых пастбищ.

ПЛЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

На территории всей Внутренней Азии исторически известные пасторалисты разделяли аналогичные принципы организации, чуждые оседлым обществам. Хотя известно, что детали менялись, полезно, тем

не менее, кратко проанализировать социальный мир степи, чтобы объяснить некоторые концепции (понятия), которые кочевники принимали без доказательств в своей повседневной жизни.

Основной общественной единицей в степи была семья (хозяйство), обычно измеряемая количеством шатров. Родовые родственники делили общее пастбище и ставили совместные лагеря, когда было возможно. Описание структуры калмыцкой семьи, выполненное Аберле, было типичным идеалом для Внутренней Азии:

«Обширная семья может состоять из нескольких поколений единокровных родственников-мужчин, связанных более или менее близким происхождением, вместе с женами и несовершеннолетними детьми, и возглавляться старшим мужчиной из старшей семьи. После женитьбы сын может потребовать свой скот и уйти, но в идеале он должен оставаться со своим отцом и братьями. Уход есть признак трудностей между родственниками. Существует тенденция, согласно которой обширные семейные стада находились в общей собственности как можно дольше» (Aberle 1953: 9).

Группы в лагерях, состоящие из больших семей, были хорошо приспособлены к пасторальному производству. Один человек не мог управлять отдельными стадами крупного и мелкого скота без помощи. Поскольку пастбище было в общем владении, а пастух мог эффективно наблюдать за сотнями животных, индивидуальный скот объединялся в одно большое стадо. Подобным образом большие семьи облегчали женщинам выполнение совместных работ, таких, как переработка молока или изготовление войлока. Но мужчина всегда был ответственен за свой скот, и, если он не был согласен с их управлением, он имел право покинуть лагерь и уйти в другое место. Большие группы также обеспечивали защиту от воровства и союзников в спорах с другими группами.

Состав групп в лагерях отражал стадии в развитии домашних хозяйств. Независимое домашнее хозяйство начинало существовать после заключения брака, когда мужчина обычно получал свою долю стада, а женщина получала свой собственный шатер, но ему недоставало скота и рабочей силы, чтобы быть полностью автономным. В течение периода помолвки молодые мужчины иногда приходили к невестам и жили с их родственниками, но обычно пара после заключения брака жила в лагере отца мужа. Когда рождались дети и увеличивалось стадо, семья все больше становилась независимой (самостоятельной), но когда дети достигали брачного возраста, значительный процент скота домашнего хозяйства расходовался на свадьбы и предупреждающее наследство. Каждый сын получал свою долю стада в зависимости от полного числа братьев, причем одна доля оставалась родителям. Самый младший сын в конечном счете наследовал родительское хозяйство вместе со своей собственной долей – форма социального обеспечения для его родителей. Хозяйство старшего в семье, в связи с этим,

повышало свое влияние, поскольку мужчина мог рассчитывать на поддержку и труд своих взрослых сыновей и их семей. Развитие цикла хозяйства обычно ограничивалось количеством братьев и их сыновей, причем смерть братьев влечет за собой распад группы (Stenning 1953).

Большая семья была культурным идеалом и имела много экономических преимуществ, но ее нелегко было поддерживать, поскольку большие группы были внутренне нестабильны. Поскольку индивиды владели своими собственными животными и могли отделяться от группы, если она их не удовлетворяла, кооперация была добровольной. В то время как братья обычно поддерживали достаточную солидарность в управлении стадом, их собственные сыновья, группы двоюродных братьев не могли сделать этого. Также трудно было сохранить большие семьи в целостности, если количество животных, которыми они владели, возрастало сверх допустимой нагрузки на местное пастбище. Приспосабливаемость кочевничества основывалась на гибкости передвижения, и попытка удержать слишком много людей или животных в одном месте уменьшала его жизнеспособность. Когда местное пастбище было недостаточным, некоторые семьи могли мигрировать в другие районы, сохраняя политические и социальные связи, но не проживая больше вместе.

Женщины имели большее влияние и автономность, чем их сестры в соседних оседлых обществах. Среди политической элиты обычным было многоженство, но каждая жена имела собственную юрту. Было невозможно практиковать формы уединения, такие обычные во многих оседлых азиатских обществах. Повседневная жизнь требовала от женщин играть более публичную роль в экономической деятельности. Хотя детали не могут быть подтверждены для всей истории Внутренней Азии, большинство гостей делали комментарии, подобные комментариям Иоганна де Плано Карпини – посланника Папы римского к монголам в 13 столетии – в его *«Истории Моголов»* (§ IV, II–III).

«Мужчины ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и участвуют в стрельбе... И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно. Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, выючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры. Все женщины носят штаны, а некоторые и стреляют, как мужчины».

Даже если формальная (официальная) структура была сильно родственной по отцовской линии, женщины также участвовали в племенной политике. Структуры взаимных союзов между кланами давали женщинам важную структурную роль, связывающую племена друг с другом. Так, дочери, хотя и терялись для своей кровной семьи, тем не менее связывали ее с другими группами. Например, народ унги-

рад???, клан жены Чингисхана, любил объявлять, что его политическая сила заключается в силе брачных союзов, а не в военной силе:

«Они, наши дочери и дочери наших дочерей, которые становясь принцессами в результате их браков, служат защитой против наших врагов, а с помощью просьб, с которыми они обращаются к своим мужьям, они получают благосклонность для нас» (Mostaert 1953: 10; cited in Cleaves 1982: 16, n. 48).

Даже после смерти своего мужа женщина сохраняла значительное влияние через своих сыновей, а если те были юны, она часто действовала как законная глава семьи. Со времен хунну во втором столетии до н. э. китайские политические отчеты регулярно описывали женщин из элиты в критических положениях во время конфликтов за наследование лидерства. Лучший пример этого наблюдался в ранней монгольской империи, когда старшая жена «Великого хана» была обычным выбором на регентство во время междуцарствия.

Домашнее хозяйство (семья) и группа в лагере были наиболее важными элементами в повседневной жизниномада Внутренней Азии, но для того чтобы вести дела с миром за пределами стада, необходимо было организоваться в более крупные единицы. Политическая и социальная организация племени основывалась на вложенных родственных группах, коническом клане. Конический клан был обширной родственной организацией по отцовской линии, в которой члены общей наследственной группы были ранжированы и сегментированы вдоль генеалогических линий. Более старшие поколения превосходили по рангу более молодые поколения точно так же, как более старшие братья были выше по рангу, чем младшие братья. При расширении роды и кланы иерархически классифицировались на основе старшинства. Политическое лидерство во многих группах ограничивалось членами старших кланов, но от самого низшего до самого высокого все члены племени имели общее происхождение. Эта генеалогическая привилегия имела важное значение, поскольку она подтверждала права на пастбища, создавала социальные и военные обязательства между родственными группами и устанавливала законность местной политической власти. Когда номады теряли свою автономию и попадали под власть правительств оседлых сообществ, политическое значение этой обширной генеалогической системы пропадало, а родственные связи оставались важными лишь на местном уровне (Krader 1963; Lindholm 1986).

Однако эту идеальную концепцию племени было труднее определить точно на более высоких уровнях организации. Структура конического клана основывалась на ряде принципов, которые подвергались значительным изменениям и подтасовкам. Идеальные объяснения приписывали лидерство старшинству и подчеркивали солидарность родственников по мужской линии против чужаков, но в мире степной политики эти правила часто игнорировались или критиковались в погоне за властью. Племенные вожди набирали личных последователей, которые

отрекались от своих собственных родственных связей, присягая на исключительную верность своему патрону. Младшие линии продвигались вверх, убивая более старших конкурентов, причем эта практика была обычной во многих степных династиях. Подобным образом простые принципы наследственности по мужской линии, согласно которым члены племени претендовали на наследование от общего предка, часто модифицировались, чтобы присоединить неродственных людей. Например, некоторые группы обосновывали свое включение тем, что их основатель был принят в племя, либо вследствие того, что группа их родственников имела исторические отношения клиентов с доминирующим родом. Группы, имеющие родство по мужской линии, также имели связи, обусловленные перекрестными браками, которые создавали долгосрочные связи с другими кланами или племенами, с которыми они могли заключать союзы даже против прямых родственников. По этим причинам вопрос, были ли когда-либо племена или племенные конфедерации поистине генеалогическими, привел к особенно резким дебатам среди историков (Garret 1990). Часть проблемы была связана с тем, что не делалось различие между племенем, которое было небольшим элементом объединения, основанного на генеалогической модели, и племенной конфедерацией, которая содержала много племен, образуя надплеменное политическое образование. Поскольку племенные системы Внутренней Азии использовали сегментарные строительные блоки на местном уровне, с последовательно все большими элементами объединения, вводящими больше людей, предполагалось, что каждый более высокий уровень был просто продуктом одних и тех же самых принципов, применяемых ко всевозрастающему количеству людей. Однако редко это было справедливо. «Фактические» родственные связи (основанные на принципах наследования и присоединения в результате браков или принятия) были эмпирически очевидны только в пределах меньших элементов племени: нуклеарных семьях, расширенных домашних хозяйствах и местных (локальных) родах. На более высоких уровнях объединения кланы и племена поддерживали связи больше политического происхождения, в которых генеалогические связи играли лишь несущественную роль. В могущественных кочевых империях организация составных племенных групп была обычно продуктом реорганизации, вызванной разделением сверху донизу, а не следствием родства (союза) снизу вверх.

Конечно, было возможно, что политическая структура, основанная на родстве, существовала только в умах участников. Например, среди нуэров Восточной Африки не было постоянных лидеров (вождей). Фракции организовывались на основе сегментированной оппозиции, в которой индивид поддерживает более близкие по родству группы против более дальних родственников. Компания братьев в оппозиции к своим двоюродным братьям в семейных конфликтах могла объединиться с ними в борьбе против чужаков. В случае вторжения другого

племена враждующие роды и кланы могли объединиться, чтобы нанести поражение агрессору, и возобновить свой внутренний конфликт, когда враг разбит. Сегментарная оппозиция, в частности, хорошо подходила пасторалистам, поскольку она направляла экспансию против чужаков в пользу всего племени. Однако среди номадов Внутренней Азии сегментарная структура была более чем мысленной конструкцией, она укреплялась постоянными вождями, которые обеспечивали руководство и внутренний порядок для родов, кланов и целых племен. Такая иерархия руководящих постов выходила далеко за пределы потребностей простого пасторализма. Это была централизованная политическая структура, которая, хотя все еще основана на идиоме родства, была намного сложнее и мощнее, чем наблюдаемые у номадов в других регионах (Sahlins 1960).

В заключение следует сказать, что родство играло свою самую важную роль на уровне семьи, рода и клана. Элементы организации на племенном уровне или надплеменном уровне были более политическими по природе. Племенные конфедерации, сформированные посредством союза или завоевания, всегда содержали неродственные племена. Однако идиома родства оставалась общеупотребительной при определении законности руководства в пределах правящей элиты, созданной номадной империи, поскольку существовала долгая культурная традиция среди племен центральной степи брать руководство из одного династического рода. Отклонения от этого идеала маскировались подтасовыванием, искажением или даже изобретением генеалогий, которые обосновывали изменения статус-кво. Могущественные индивиды смотрели на предков ретроактивно и выдвигали за счет понижения элиты и «структурной амнезии» преданные забвению генеалогически старшие, но политически слабые линии наследования. Эта традиция давала династии беспрецедентной продолжительности. Прямые наследники основателя империи Хунну Модэ правили степью 600 лет с большим или меньшим умением, прямые наследники Чингисхана – 700 лет, а единственная непокоренная тюркская династия (наследие Внутренней Азии??) властвовала в Османской империи более 600 лет. Однако эта иерархическая традиция не разделялась всеми номадами Внутренней Азии; номады в Маньчжурии традиционно отвергали наследственное право занятия престола и избирали своих вождей на основании их талантов и способностей. Даже в центральной степи племена-завоеватели могли избавиться от всех старых обязательств посредством продвижения себя к власти, после чего они уничтожали своих соперников или вытесняли их на маргинальные территории.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОЧЕВНИКОВ И ГРАНИЦА

Возникновение номадной государственности, оказывается, построено на противоречиях. На вершине кочевой империи существует органи-

зованное государство, руководимое самодержцем, но оказывается, что большинство членов племени сохраняют свою традиционную политическую организацию, которая основывается на родственных группах различных рангов – линиджах, кланах, племенах. В экономической сфере существует аналогичный парадокс – не существовало экономического фундамента государства, поскольку общество было основано на экстенсивной и недифференцированной хозяйственной системе. Для разрешения этих противоречий были предложены две серии теорий, которые должны были показать, что племенная форма – это только оболочка для государственности либо что племенная структура никогда не ведет к настоящему государству.

На основании своих наблюдений среди казахов и киргизов в XIX в. В. В. Радлов рассматривал политическую организацию у номадов как копию локального политического поведения на более высоких уровнях иерархии. Основная скотоводческая единица составляла сердцевину как экономики кочевого общества, так и его политики. Различия в богатстве и власти внутри этих малых групп позволяли определенным людям претендовать на высокие позиции; они улаживали конфликты внутри группы и организовывали ее для защиты или нападения на врагов. Радлов рассматривал рост более крупных единиц как попытку честолюбивых влиятельных индивидов объединить под своим контролем возможно большее число номадов. Это в конечном счете могло привести к кочевой империи, но власть степного автократа была исключительно личной. Она определялась его успешной манипуляцией силой и богатством в пределах сложной племенной сети. Такой правитель был узурпатором власти, а после его смерти созданная им империя снова распадалась на составные части (Radloff 1893a: 13–17). В. В. Бартольд, выдающийся историк средневекового Туркестана, модифицировал модель Радлова, предположив, что степное лидерство могло также основываться на выборе самих номадов вследствие появления в их среде той или иной популярной личности, подобно консолидации тюрков в ходе создания Второго каганата в VII в. Выбор, согласно его аргументации, являлся дополнением к принуждению, поскольку яркие личности своими успехами в войнах и набегах увлекают за собой добровольных последователей (Barthold 1935: 11–13). Обе теории подчеркивали, что кочевые государства были, по существу, эфемерными, причем государственная организация исчезала со смертью её основателя. По их мнению, номадное государство только временно доминировало в племенной политической организации, которая оставалась основой для социальной и экономической жизни в степи.

Альтернативные теории решали парадокс соотношения государства и племенной политической организации исходя из предположения, что последняя была разрушена в ходе создания государства, даже если новые отношения были закамouflированы при помощи старой племенной терминологии. Венгерский историк Харматта, изучающий

гуннов, доказывал, что кочевое государство могло возникнуть только в результате процесса, в котором племенной базис номадного общества сначала был разрушен, а затем затенен классовыми отношениями. Фокусом его анализа должны быть не крупные лидеры, но глубокие изменения в социально-экономическом порядке, которые сделали возможным появление автократов, подобно Аттиле у гуннов (Harmatta 1952). Хотя трудно было продемонстрировать доказательства в подтверждение, Крэдер в своих антропологических сочинениях о кочевниках и становлении государства утверждал, что поскольку государство не могло существовать без классовых отношений «непосредственные производители – поддерживающие непроизводителей», историческое существование номадных государств предполагало такие отношения (Kardner 1979). Если эти государства испытывали недостаток стабильности, это объяснялось тем, что основные ресурсы степи всего были недостаточны для любой степени стабильности.

Существование государственности у кочевников было более мучительной проблемой для некоторых марксистских интерпретаций, поскольку номады не только не втискивались в какие-либо однолинейные исторические построения, но и потому, что при распадении кочевых империй они возвращались к своему традиционному племенному образу существования. С точки зрения однолинейности это невозможно, так как племенные институты должны были бы быть уничтожены в процессе создания государственности. Советские публикации, в частности, посвящались этой проблеме, обычно в обсуждении концепции «кочевого феодализма», впервые предложенной Б. Я. Владимирцовым в его анализе монгольского общества, которая, кстати, получила широкое распространение отчасти по причине того, что сам Владимирцов никогда точно не определял, что же это тип общества (Vladimirtsov 1948; резюме советских интерпретаций см.: Khazanov 1984: 228 ff.). Данная форма «феодализма», по мнению интерпретаторов, была основана на предположении, что в пределах номадного сообщества существовали классы, основанные на собственности на пастбища. Подтверждение этого было получено из организации монгольских аймаков XVIII – XIX вв. при правлении династии Цин, где аймачные князья отделялись от простых членов племен, которым не разрешалось покидать границы их округов. Аналогичным образом археологические раскопки на месте средневековой монгольской столицы Каракорума выявили экстенсивное развитие земледельческих обществ окружающей области, что способствовало развитию класса оседлых номадов, кормящих феодальную знать. Однако другие советские теоретики указывали, что владение скотом, а не землей, в сущности, было главным элементом, а они оставались под контролем обычных членов племени, и развитие ремесла и земледелия могло довольно легко включиться в существующие структуры родства. Следовательно, такие экономические специалисты никогда не образовывали отдельного

класса людей (см. «Введение редактора» К. Хэмфри [C. Humphrey] в кн.: Vainshein 1980: 13–31). Кроме того, примеры, взятые из истории Монголии времени Цин или казахов при царском режиме, имели только ограниченное значение для понимания более ранних кочевых империй. Следуя политике косвенного управления, такие оседлые империи защищали элитный класс местных правителей, чья экономическая и политическая власть была продуктом колониальной системы.

Было ли основано политическое лидерство кочевого общества на основе классового неравенства или на индивидуальных способностях отдельной личности – и в том и в другом случае предполагается, что создание кочевого государства являлось результатом внутреннего развития. Тем не менее исторически известные государственные образования кочевников были организованы на уровне сложности, далеко превосходящей потребности кочевого скотоводства. Радлов и Бартольд подчеркивают эфемерную природу кочевых государств, но многие степные империи пережили своих учредителей, особенно державы хунну, тюрков, уйгуров и монголов, а правящие династии кочевников, в сравнении с оседлыми соседями, достаточно стабильны. При этом все вышеперечисленные общества, за исключением монголов, остались империями степи, которые использовали государственную организацию без завоевания крупного земледельческого общества.

Теоретики, подобно Харматте и Крэдеру, кто принимал существование государства, но отрицал непрерывность племенной социальной организации, были вынуждены обосновывать появление классовой структуры в рамках относительно недифференцированной и экстенсивной скотоводческой экономики. В то время как кочевые аристократии обычно имелись во многих обществах степи, такое иерархическое социальное разделение не было основано на контроле над средствами производства; доступ к ключевым пасторальным ресурсам базировался на основе племенной принадлежности. Классовые отношения были незначительно развиты во Внутренней Азии, пока кочевники не стали включенными в оседлые государства в течение последних столетий или когда они покинули степь и влились в классовую структуру земледельческих обществ.

Потенциальный ответ на эту дилемму появился из рассмотрения недавних антропологических исследований в Африке и Юго-Западной Азии. Корреляции вызывают сомнение в отношении предположения, согласно которому кочевые государства были результатом какого-либо вида внутренней динамики. В сравнительном исследовании африканских кочевников-скотоводов Бернхэм пришел к выводу, что низкая плотность населения и свобода географической мобильности сделали местное развитие какой-либо институционализированной иерархии в таких обществах маловероятным. В этих условиях, выяснил Бернхэм, сегментарная оппозиция обеспечивала наиболее оптимальную модель политической организации. Развитие государства у кочевников, следова-

тельно, не было реакцией на внутреннюю необходимость. Скорее, оно развивалось, когда номады были вынуждены иметь свои дела с более высокоорганизованными обществами оседло-земледельческих государств (Burnham 1979). Используя случаи из Юго-Западной Азии, Айронс также пришел к такому же заключению и свел его к гипотезе:

«Среди обществ кочевников-скотоводов иерархические политические учреждения генерируются только внешними отношениями с государственными обществами и никогда не развиваются исключительно вследствие внутренней динамики таких обществ» (Irons 1979: 362).

Этот аргумент имеет ряд широких подтекстов для понимания кочевых государств во Внутренней Азии. Это не диффузионистское объяснение. Кочевники не «заимствовали» государство; скорее, они были вынуждены развивать свою особую форму государственной организации, чтобы эффективно вести дела с более крупными и более высокоорганизованными оседло-земледельческими соседями. Эти отношения требовали намного более высокого уровня организации, чем это было необходимо для решения проблем в отношении скота и политических конфликтов внутри номадного общества. Не случайно наименее формально организованные номады были обнаружены в Африке в Сахаре, где они имели дело с немногими государственными обществами, и наиболее формально организованные кочевые общества возникли, столкнувшись с Китаем – крупнейшим в мире и наиболее централизованным традиционным земледельческим государством.

В своем широкомасштабном антропологическом исследовании пасторальных номадов А. М. Хазанов утверждал, что государства кочевников являлись продуктом асимметричных связей между степными и оседлыми обществами, которые были выгодны для скотоводов. Для Внутренней Азии он сконцентрировал внимание на отношениях, создаваемых покорением оседлых областей кочевыми народами, где они стали правящей элитой смешанного общества (Khazanov 1984). Однако многие номадные государства устанавливали и поддерживали такие асимметричные отношения без завоевания земледельческих регионов. Используя преимущества своей военной мощи, эти государства кочевников вымогали дань у соседних государств, облагали их налогами и контролировали международную сухопутную торговлю, предоставляли свободу организованным налетчикам, которые специализировались на «прямом присвоении» (грабеже), причем всё это делалось, не покидая своих постоянных пристанищ в степи.

В Северной Азии такой была связь между Китаем и степью, которая создавала основу для иерархии среди кочевников. Номадное государство поддерживалось эксплуатацией экономики Китая, а не экономическим присвоением труда рассеянных скотоводов, которые были эффективно организованы номадным государством, чтобы сделать

подобное вымогательство возможным. Поэтому нет необходимости постулировать развитие классовых отношений в степи, чтобы объяснить существование государства у кочевников. Так же как нет необходимости прибегать к концепции кочевнического самодержавия, после смерти которого данное государство было обречено на распад. Однако поскольку государство в степи было структурировано его внешними связями, оно существенно отличалось от оседлых государств, одновременно содержащих и племенную, и государственную иерархию, причем каждая имеет отдельные функции.

Кочевнические государства Внутренней Азии были организованы как «имперские конфедерации», автократические и государственно-подобные во внешних делах, но консультативные и федерально структурированные внутренне. Они состояли из административной иерархии по крайней мере с тремя уровнями: имперский лидер и его двор, имперские губернаторы, назначаемые с тем, чтобы надзирать за племенами, входящими в империю, и местные племенные вожди. На местном уровне племенная структура оставалась нетронутой, под властью вождей, чье влияние и сила черпались из поддержки их соплеменников, а не были следствием императорского назначения. Таким образом, структура государства мало изменялась на местном уровне, за исключением того, что обеспечивается прекращением набегов и убийств, свойственных степи в отсутствие единства. Племена, входящие в империю, были объединены в нее своим раболепством перед назначенными наместниками, часто членами императорского рода. Имперские наместники решали региональные проблемы, организовывали набор рекрутов в войска и подавляли оппозицию, генерируемую местными племенными вождями. Кочевная ставка монополизировала внешние дела и войну, ведя переговоры с другими силами от империи в целом.

Стабильность этой структуры поддерживалась извлечением ресурсов из-за пределов степи, чтобы финансировать государство. Добыча от набегов, торговые права и дань получались для кочевников императорским правительством. Хотя вожди местных племен утратили свою автономию, они взамен получали материальные выгоды от имперской системы, выгоды, которые отдельные племена не могли получить сами в силу своей недостаточной мощи. Племенная организация никогда не исчезала на местном уровне, но ее роль в периоды централизации ограничивалась внутренними делами. Когда система разрушалась, и вожди местных племен становились независимыми, степь возвращалась к анархии.

ЦИКЛЫ ВЛАСТИ

Имперская конфедерация была самой стабильной формой кочевнического государства. Впервые использованная хунну между 200 г. до н. э. и 150 г. н. э., она была моделью, позднее принятой жужанями (V в.), тюрками и уйгурами (VI–IX вв.), ойратами, восточными монголами и джунгарами (XVII–XVIII вв.). Монгольская империя Чингисхана

(XIII–XIV вв.) была основана на намного более централизованной организации, которая разрушила существующие племенные связи и сделала всех вождей имперскими назначенцами. Недолговечная империя сяньби во второй половине II в. н.э. была просто конфедерацией, которая распалась после смерти ее лидеров. В другие периоды, в частности между 200 и 400, и 900 и 1200 гг., степные племена не были под централизованным правлением.

Номадные имперские конфедерации возникали только в периоды, когда было возможно связаться с китайской экономикой. Номады использовали стратегию вымогательства, чтобы получать торговые права и субсидии от Китая. Они делали набеги на пограничные районы, а затем вступали в переговоры о заключении мирного договора с китайским двором. Местные династии в Китае охотно платили номадам, поскольку это было дешевле, чем вести войну с народом, который мог избегать возмездия, уходя из пределов досягаемости. В течение этих периодов вся северная граница была поделена между двумя силами.

Вымогательство требовало вполне отличной стратегии, чем завоевание. Хотя общепринятое мнение заключалось в том, что номады Монголии бродили, как волки, за Великой Китайской стеной, ожидая, пока Китай ослабеет так, что они могли завоевать его, имеются факты, что номады центральной степи избегали завоевания китайской территории. Богатства от торговли с китайцами и от даров стабилизировали императорское правительство в степи, и они не желали разрушать этот источник. Уйгуры, например, так зависели от этого дохода, что даже посылали войска для подавления внутренних бунтов в Китае и удержания у власти уступчивой династии. За исключением монголов, «номадные завоевания» имели место только после распада центральной власти в Китае, когда не было правительства для вымогательства. Могущественные номадные империи возвышались и включались в тандем с местными династиями в Китае. Империи Хань и Хунну возникли в течение одного десятилетия, тогда как империя тюрков появилась как раз, когда Китай вновь объединился под властью династий Суй/Тан. Подобным образом степь и Китай вступали в периоды анархии в пределах десятилетий один за другим. Когда в Китае начинались беспорядки и экономический упадок, больше невозможно было поддерживать эту связь, и степь разваливалась на составные племена, не способные к объединению до тех пор, пока не восстанавливался порядок в Северном Китае.

Завоевание Китая иностранными династиями было делом маньчжурских народов – либо номадов, либо лесных племен из регионов реки Ляохэ. Одновременный политический крах централизованного правления и в Китае, и в Монголии освобождал эти пограничные народы от господства какой-либо сильной власти. В отличие от племен центральной степи, они имели эгалитарную политическую структуру и тесный контакт с оседлыми регионами в пределах Маньчжурии. Во

времена разделения они создавали небольшие королевства вдоль границы, которые объединяли и китайские, и племенные традиции в пределах одной администрации. Острова стабильности, они выжидали, пока кратковременные династии, создаваемые китайскими военачальниками или степными племенными вождями, уничтожали друг друга в Северном Китае. Когда эти династии терпели крах, маньчжуры получали стимул покорить сначала небольшую часть Северного Китая, а затем, в эпоху второй маньчжурской династии, даже завоевать весь Китай. В то время как объединение Северного Китая под иностранным правлением создало благоприятные экономические условия для подъема кочевнического государства в Монголии, такие государства возникали редко, поскольку династии из Маньчжурии применяли чрезвычайно отличную пограничную политику, чем местные китайские администрации. Маньчжурские династии (автор имеет в виду Ляо, Цзинь и Цин. – *Прим. отв. ред.*) практиковали политику политического и военного разрыва, и они вели активную кампанию против кочевников, чтобы препятствовать их объединению. Кочевники центральной степи, за исключением монголов под правлением Чингисхана, никогда не имели возможность создать могущественные империи, когда их кузены из Маньчжурии правили в Китае.

Существовала циклическая структура этой связи, которая повторилась три раза в течение двух тысяч лет. Приверженец другой точки зрения, Ледьярд в своем исследовании связей между Маньчжурией, Кореей и Китаем наблюдал подобную структуру из трех циклов в международных связях, которую он разделил на фазы *инь* и *ян*, основанные на том, был Китай экспансивным (*ян*) или оборонительным (*инь*). Его фазы *ян* соответствуют нашим местным династиям, правящим всем Китаем, а его фазы *инь* – правлению династий завоевателей. Интересно, что он также обнаружил, что монгольская династия Юань была аномальной, хотя его анализ исключал роль других кочевнических империй в Монголии (Ledyard 1983). Однако его наблюдения не объясняют, как и почему развивались такие связи.

Чтобы понять, как могла появиться такая циклическая структура, мы должны сфокусировать наш анализ на изменении характера пограничного политического окружения за долгие периоды времени. Был разработан тип политической экологии, в котором один тип династии следовал за другим достаточно предсказуемо, поскольку при одном наборе условий определенная социополитическая организация обладала значительными преимуществами над конкурентами, структуры которых основывались на иных принципах. Тем не менее, когда условия изменялись, эти самые преимущества, которые привели к политическому успеху династии, закладывали основы для ее собственного замещения.

Процесс был аналогичен экологической последовательности после пожара в старом климаксовом лесу. В климаксовом лесу небольшое

количество крупных акклиматизировавшихся деревьев доминирует в ландшафте, исключая другие виды, которые не смогли выдержать их естественных гербицидов и затенения. При разрушении пожаром или другим бедствием мертвые деревья быстро замещаются последовательностью более изменчивых, но нестабильных видов, которые захватывают пожарище. Быстрорастущие и недолговечные сорняки и кустарники с высокими темпами воспроизводства вначале утверждаются сами, создавая новый почвенный покров, пока не замещаются, в свою очередь, более устойчивыми видами быстрорастущих деревьев. В конечном счете эти деревья формируют смешанный лес, который существует много десятков лет, пока один или два вида деревьев снова не станут полностью доминирующими, вытеснят другие виды из области и возвратят лес в стабильное климаксное состояние, осуществив полный круг цикла.

Биполярный мир объединенного Китая и объединенной степи, который разделяется границей между ними, был устойчивым климаксным состоянием. Никакие альтернативные политические структуры не могли возникнуть, пока они существовали. Двойной крах порядка в Китае и в степи генерировал весьма нестабильное окружение. Династии, которые возникали в течение этого периода, были многочисленны, плохо организованы, нестабильны и недолговечны – это была хорошая мишень для атаки любого набирающего силу военачальника или племенного вождя, который мог собрать большое войско. Они замещались лучше организованными династиями, которые восстанавливали порядок и успешно управляли большими регионами. Местные династии на юге и иностранные династии на северо-востоке и северо-западе разделили китайскую территорию между собой. Во время войн объединений, которые уничтожили иностранные династии и привели к объединенному Китаю под правлением местной династии, степь беспрепятственно вновь объединилась, завершив полный круг цикла. Временное запаздывание между падением основной местной династии и восстановлением порядка под стабильным иностранным правлением уменьшалось с каждым циклом: столетия нестабильности следовали после падения империи Хань, десятки лет после падения Тан и почти не было перерыва после свержения династии Мин. Продолжительность иностранных династий обнаружила подобную структуру – наименьшую в первом цикле и наибольшую в третьем.

По существу, мое утверждение состоит в том, что степные племена Монголии играли ключевую роль в пограничной политике, не становясь завоевателями Китая, и что Маньчжурия, по политическим и экологическим причинам, была питомником для иностранных династий, когда местные династии терпели крах в результате внутренних восстаний. Эта структура существенно отклоняется от ряда предыдущих теорий, предложенных для объяснения связи между Китаем и его северными соседями.

Влиятельное исследование Виттфогелем «династий завоевателей» в китайской истории игнорировало важность степных империй, подобных империям хунну, тюрков и уйгуров – разделяя иностранные династии на подкатегории пасторальных номадов и сельскохозяйственных племен, причем и те, и другие были враждебны по отношению к типично китайским династиям. Это выделение экономической, а не политической организации затемняло замечательный факт, что, за исключением монгольской династии Юань, все династии завоевателей, по мнению Виттфогеля, были маньчжурского происхождения. Он также не сделал различия между номадами Монголии, которые учреждали степные империи, которые успешно управляли границей в тандеме с Китаем в течение столетий, и номадами из Маньчжурии, которые создавали династии в Китае, но никогда не образовывали могущественных империй в степи (Wittfogel, Feng 1949: 521–523).

Возможно, что самой значительной работой по связи между Китаем и племенными народами на севере является классический труд О. Латтимора «*Границы Китая во Внутренней Азии*». Его личное знакомство с Монголией, Маньчжурией и Туркестаном дало его анализу богатство, которого не найти больше нигде, и через 50 лет он все еще остается вехой в исследованиях по этим проблемам. Особенно влиятельным был его «географический подход» (который сегодня мы могли бы, скорее всего, назвать культурной экологией), который разделил внутреннюю Азию на ключевые регионы, каждый со своей собственной динамикой культурного развития. Основным интересом для Латтимора представляло возникновение степного пасторализма на китайской границе, и он посвятил лишь короткий параграф развитию пограничных отношений в течение периода империй. Хотя настоящий анализ имеет крепкие корни в традиции Латтимора, он *принимается* проблеме с рядом гипотез, которые предложил Латтимор и которые связаны с циклами номадного правления и учреждением династий завоевателей.

Латтимор описал цикл номадного правления, который, как он заявил, давал номадным государствам продолжительность существования на протяжении лишь трех или четырех поколений, приводя в качестве примера хунну. Сначала государственное устройство включало только номадов, затем оно расширялось в течение второй стадии, в которой номадные воины поддерживали смешанное государство, получающее дань от своих неномадных подданных. Такое смешанное государство продуцировало третью стадию, во время которой осевшие гарнизонные войска номадного происхождения в конечном счете получали львиную долю доходов за счет своих менее искушенных соплеменников, которые остались в степи. Такие условия привели к четвертой и последней стадии и вызвали крах государств, поскольку

«разница между реальным богатством и номинальной властью, с одной стороны, и реальной или потенциальной властью и относи-

тельной бедностью, с другой стороны, стала нетерпимой, [начиная] развал составного государства и “возврат к номадизму” – политически – среди отдаленных номадов» (Lattimore 1940: 521–523).

В действительности, империя Хунну не обнаружила такой структуры. Вожди хунну установили свое правление над другими номадами, а затем оставались в степи, не завоевывая оседлых регионов, которые требовали гарнизонов. Это было государство, правящая династия которого оставалась ненарушенной не четыре поколения, а 400 лет. Когда после падения династии Хань правитель хунну учредил недолговечную династию вдоль границы Китая, отдаленные номады не возвратились в степь; когда они почувствовали обман с доходами, они вместо этого захватили государство для себя.

В терминах «завоевательной династии» Латтимор признавал, что существовало различие между номадными народами открытой степи и краевых пограничных зон, занятых народами смешанных культур. Он отмечал, что существовала маргинальная зона, которая была источником династии завоевателей, а не открытая степь (Lattimore 1940: 542–552). Однако, подобно Виттфогелю, он не отметил, что подавляющее большинство династий завоевателей зарождалось в маньчжурской маргинальной зоне, а не в других местах. Также посредством включения Чингисхана в качестве основного примера такого лидера из пограничной полосы он запатал свое собственное различие между обществами открытой степи и пограничными обществами смешанных культур, так как Чингисхан был так же далек от границы, как и любой лидер из хунну или тюрков, которые предшествовали ему в Монголии. Причиной этого кажущегося географического противоречия было то, что само определение границы радикально изменялось в зависимости от того, местная или иностранная династия правила в Северном Китае. Южная Монголия становилась частью «смешанной пограничной зоны» только тогда, когда иностранные династии осуществляли политику по раздроблению политической организации кочевников степи. Когда местные династии и степные империи делили границу между собой, политически независимые смешанные общества не существовали.

Эта критика свидетельствует и о сложности тенденций во Внутренней Азии, и о необходимости исследовать их как следствие изменения связей со временем. Монгольская степь, Северный Китай и Маньчжурия должны анализироваться как части единой исторической системы. Сравнительное описание основных местных и иностранных династий и степных империй дает начало обеспечения такой модели (таблица, с. 25). Она обеспечивает примерное представление трех циклов замещения династий (причем только монголы появляются не в фазе), которые устанавливают параметры для пограничных связей.

Хань и Хунну были тесно связаны как части биполярного фронта, который развился в конце третьего столетия до н. э. Когда империя

Хунну утратила свою гегемонию в степи примерно в 150 г. н. э., она была замещена династией сяньби; которая поддерживала свободно структурированную империю постоянными набегами на Китай до смерти их лидера в 180 г. – в том же году, в котором в Китае произошло мощное восстание. В течение 20 лет династия позднего Хань существовала только по названию, причем и численность ее населения, и её экономика круто снижались. Следует отметить, что не номады, а китайские повстанцы разрушили династию Хань. В следующие полтора столетия, когда военачальники всех типов воевали с Китаем, маньчжурские потомки сяньби создали малые государства. Из них государство мужунов оказалось самым живучим, и оно установило контроль над северо-востоком в середине четвертого столетия. Они создали основу, которая была принята потом Тоба Вэй, которые свергли династию Янь и объединили весь Северный Китай. Только после объединения Северного Китая номады в Монголии снова создали централизованное государство под руководством жужаней. Однако племя жужань никогда не контролировало степь, поскольку тоба держали огромные гарнизоны вдоль границы и вторглись в Монголию с целью захвата стольких пленных и скота, сколько было возможно. Они так преуспели в этом, что жужани оказались не в состоянии угрожать Китаю до конца истории династии, когда тоба китаизировались и стали использовать политику умиротворения, подобную политикам, применяемым Хань.

Внутреннее восстание свергло династию Вэй и начался период нового объединения Китая под правлением династий Западных Вэй и Суй в конце шестого столетия. Жужани были свергнуты своими вассалами тюрками, которых так опасались лидеры Китая, что выплатили им большие подарки шелками, чтобы сохранить мир. Граница снова стала биполярной, и тюрки начали политику вымогательства, подобную той, которую практиковали хунну. Во время падения Суй и возвышения Тан тюрки не делали попыток завоевать Китай, но вместо этого поддерживали китайских претендентов на трон. Когда династия Тан пришла к упадку, она стала зависимой от номадов, чтобы обузывать внутренние бунты, призвав на помощь уйгуров, что оказалось решающим в подавлении восстания Ан-лу-шань в середине восьмого столетия, вероятно, продлившем жизнь этой династии на следующее столетие. После того, как уйгуры стали жертвой нападения киргизов в 840 г., центральная степь вступил в период анархии. Династия Тан была свергнута следующим крупным восстанием в Китае.

Падение династии Тан предоставило возможность для развития смешанных государств в Маньчжурии. Самой важной из них была династия Ляо, которая была установлена кочевыми киданями. Они собрали обломки после падения ряда недолговечных династий Тан в середине десятого века. В Ганьсу возникло тангутское королевство, то-

гда как остальной Китай находился в руках местной династии Сун. Подобно государству Янь мужунов, существовавшему несколькими столетиями ранее, Ляо использовали двойную администрацию, чтобы приспособить и китайскую, и племенную организацию. Подобно государству Янь, Ляо также стали жертвой еще одной маньчжурской группы, чжурчжэней, лесных племен, которые свергли Ляо в начале XII века, чтобы установить династию Цзнь, и приступили к завоеванию всего Северного Китая, ограничив Сун югом. По существу, первые два цикла были существенно подобны по структуре, но возвышение монголов привело к серьезному разрушению, которое вызвало глубокие последствия не только для Китая, но и для мира.

Номадное государство никогда не возникало в Монголии в течение периодов, когда Северный Китай был разорван борьбой военачальников после краха долгоживущей династии. Восстановление порядка иностранными династиями из Маньчжурии укрепляло границу и представляло единственную мишень, что благоприятствовало созданию централизованных государств в степи. Эти иностранные династии осознавали опасность, исходящую от Монголии, и разыгрывали племенную политику, чтобы разорвать их, используя стратегию «разделяй и властвуй», проводя массовые вторжения, которые удаляли большие количества людей и животных из степи, и поддерживая систему союзов посредством использования взаимных браков, чтобы привязать к себе некоторые племена. Стратегия работала довольно хорошо: жужани никогда не были способны эффективно взаимодействовать с Тоба Вэй, а во времена династий Ляо и Цинь племена в Монголии вообще не смогли объединиться до Чингисхана. Более поздний успех Чингисхана не должен затмевать для нас трудности, с которыми он столкнулся при объединении степи против чжурчжэньской оппозиции – он потратил на это большую часть своей взрослой жизни и был очень близок к неудаче в ряде случаев. Его государство было непохожим на какое-либо другое. Высокоцентрализованное и с дисциплинированной армией, оно уничтожило власть автономных племенных вождей. Однако, подобно предыдущим объединителям из Монголии, целью Чингисхана первоначально было вымогательство, а не завоевание Китая. Хотя и высоко китаизированный с культурной точки зрения чжурчжэньский двор отверг умиротворение и отказался сократить дела с монголами. Последующие войны в течение следующих трех десятилетий разрушили большую часть Северного Китая и оставили ее монголам. Отсутствие у них интереса и подготовки, чтобы править (а не вымогать), отразилось в их нежелании объявить династическую фамилию или учредить регулярную администрацию до царствования Хубилай-хана, старшего сына Чингиса.

Победа Чингисхана демонстрирует, что модель, которую мы представили, является вероятностной, а не детерминистской. Всегда суще-

ствовали племенные вожди типа Чингисхана во времена беспорядка, но их шансы на объединение степи против определенной оппозиции (врага) из учрежденных маньчжурских государств, которые черпали богатства Китая, были низкими. Таким образом, в том время как жу-жуни были особенно безуспешными, тюрки, которые следовали за ними, создали империю, большую, чем империя Хунну, не потому что тюрки обязательно были более талантливы, но потому что они оказались в состоянии эксплуатировать новые китайские государства, которые щедро платили, чтобы не быть разрушенными. Чингисхан преодолел массивные удары – чжурчжэни были могущественны. Монголия не была объединена со времени падений уйгуров более чем три столетия назад, и монголы были одним из наиболее слабых племен в степи. Столкновение между могущественным номадным государством и сильной иностранной династией было своеобразным и высоко деструктивным. Монголы использовали традиционную стратегию жестких нападений с целью склонения к прибыльному миру, но она не оправдывалась, когда чжурчжэни отвергли метод соглашений и заставили монголов усилить их давление, пока жертва не была разрушена.

Монголы были единственными номадами из центральной степи, которые завоевали Китай, но этот опыт изменил отношение китайцев к номадам на много лет вперед. Ряд политической последовательности, описанный ранее, мог бы предсказать возникновение степной империи, когда чжурчжэни не выдержали внутреннего восстания, а Китай объединился под властью династии, подобной династии Мин. Во времена Мин такие империи возникали, руководимые сначала ойратами, а позднее восточными монголами, но они были неустойчивы, поскольку до середины XVII века номады не были способны создать систему регулярной торговли и подарков от Китая. Когда еще была свежа память о вторжении монголов, династия Мин игнорировала прецеденты государств Хань и Тан и приняла политику не иметь связей, боясь, что номады хотели заменить Мин в Китае. Номады ответили непрерывными набегами на границу, подвергая Мин большому количеству нападений, чем любую другую китайскую династию. Когда, наконец, династия Мин изменила свою тактику, чтобы приспособиться к номадам, нападения в основном прекратились, и на границе сохранялся мир. После того, как династия Мин была свергнута китайскими восстаниями в середине XVII столетия, маньчжуры, а не монголы, были теми, кто завоевал Китай и установил династию Цзинь. Подобно более ранним маньчжурским правителям, Цзинь использовал двойную административную структуру и эффективно препятствовал политическому объединению степи посредством кооптирования монгольских лидеров и разделения их племен на небольшие элементы под контролем маньчжуров. Цикл традиционных связей между Китаем и Внутренней Азией закончился, когда современное оружие, транспорт-

ные системы и новые формы международных политических отношений нарушили порядок сиоцентрического мира Восточной Азии.

Таблица

Циклы правления: основные династии в Китае и степные империи в Монголии

Китайские династии		Степные империи	
Местные		Иностранные	
ЦИКЛ 1	(1) Цинь и Хань (221 до н. э. – 220 н. э.)		ХУННУ (209 до н. э. – 155 н. э.)
	(2) Китайские династии в период распада (220–581)		Сяньби (130–180)
		(3) Тоба Вэй (386–556) и другие династии	Жужани
ЦИКЛ 2	(4) Суй и Тан (581–907)		ПЕРВЫЙ ТЮРКСКИЙ (552–630) ВТОРОЙ ТЮРКСКИЙ (683–734) УЙГУРСКИЙ (745–840) каганаты
	(5) Сун (960–1279)	(6) Ляо (кидани) (907–1125)	
ЦИКЛ 3		(7) Цзинь (чжурчжэни) (1115–1234)	
		(8) Юань (монголы) (1206–1368)	МОНГОЛЫ
	(9) Мин (1368–1644)		Ойраты Восточные монголы
		(10) Цин (маньчжуры) (1616–1912)	Джунгары

Примечание: Заглавным выделены крупные кочевые империи.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Впервые опубликовано в: Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М. «Кочевая альтернатива социальной эволюции». М.: Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН. С. 59–85. Текст печатается по указанному изданию.

ЛИТЕРАТУРА

- Aberle, D.** 1953. *The Kinship of the Kalmuk Mongols*. Albuquerque: Univrsity of New Mexico Press.
- Andrews, P. A.** 1973. The white house of Khurasan: the felt tents of the Iranian Yomut and Goklen. *Journal of British Institute of Iranian Studies* 11: 93–110.
- Bacon, E.** Types of pastoral nomadism in Central and Southwestern Asia. *Southwestern Journal of Anthropology* 10: 44–68.
- Barth, F.** 1960. The land use patterns of migratory tribes of South Persia. *Norsk Geografisk Tidsskrift* 17: 1–11.
- Barthold, V. V.** 1935. *Zwölf Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens*. Berlin: Deutsche Gesellschaft für Islamkunde.
- Bulliet, R.** 1975. *The Camel and the Wheel*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Burnham, P.** 1979. Spatial Mobility and Political Centralization in Pastoral Societies. *Pastoral Production and Society*. New York: Cambridge University Press.
- Cleaves, F.** 1982 (trans.). *The Secret History of the Mongols*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Harmatta, J.** 1952. The Dissolution of the Hun Empire. *Acta Archaeologica* 2: 277–304.
- Eberhardt, W.** 1970. *Conquerors and Rulers*. Leiden: Brill.
- Irons, W.** 1979. Political Stratification Among Pastoral Nomads. In *Pastoral Production and Society* (pp. 361–374). New York: Cambridge University Press.
- Khazanov, A. M.** 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Krader, L.** 1955. The ecology off central Asian pastoralism. Bacon, E. Types of pastoral nomadism in Central and Southwestern Asia. *Southwestern Journal of Anthropology* 11: 301–326.
1963. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague: Mouton.
1979. The Origin of the State Among Nomads. In *Pastoral Production and Society*. (pp. 221–234). New York: Cambridge University Press.
- Lattimore, O.** 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York: American Geographical Society.
- Ledyard, G.** 1983. Yun and Yang in the China-Manchuria-Korea Triangle. In Rossabi, M. (ed.), *China among Equals*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Lindhom, Ch.** 1986. Kinship structure and political authority: the Middle East and Central Asia. *Journal of Comparative History and Society* 28: 334–355.
- Mostaert, A.** 1953. *Sur quelques oassages de l'Histore secreete ds Mongols*. Cambridge, Mass. Harvard-Yenching Institute.

Murzaev, E. 1954. *Die Mongolische Volksrepublik, physisch-geographische*. Cotha: Geographisch-Kartographische Anstalt.

Radloff, W. W. 1893ab. *Aus Sibirien*. 2 vols. Leipzig: Weigel.

Sahlins, M. 1960. The segmentary lineage: an organization for predatory expansion. *American Anthropologist* 63: 322–345.

Spuler, B. 1972. *History of the Mongols: Based on Eastern and Western Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Berkeley, CA: University of California Press.

Stenning, D. 1953. *Savannah Nomads*. Oxford: Oxford University Press.

Tapper, R. 1990. Your tribe or mine? Anthropologists, historians and tribes people on tribe and state formation in the Middle East. In Kostiner, J., and Khoury, P. (eds.), *Tribe and State in the Middle East*. Princeton, NJ: Princeton University Press: 48–73.

Vainstein, S. I. 1980. *Nomads of Souts Siberia: The Pastoral Economies of Tuva*. Cambridge: Cambridge University Press.

Vladimirtsov, B. Ya. 1948. *Le regime social des Mongols: le feodalisme nomade*. Paris: Andrien Maisonneuve.

Wittfogel, K. A., and Feng Chiasheng. 1949. *History of Chinese Society Liao (907–1125)*. Philadelphia: American Philosophical Society.